

Александра Анненская

Трудная борьба

Александра Никитична Анненская

Трудная борьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2885905

Аннотация

«В жаркий августовский день трое детей сидели за большим столом в тесной комнате и прилежно занимались письмом. Мальчик лет одиннадцати и девочка лет десяти четким, довольно красивым почерком писали в тетради какое-то стихотворение, очевидно, заученное ими наизусть, а мальчуган лет девяти списывал с книги, выводя большие, неуклюжие буквы. В комнате было душно, рои мух неугомонно жужжали около детей, заставляя их беспрестанно останавливаться в работе и отмахиваться; сквозь отворенное окно виднелась тихая, почти безлюдная улица одного из предместий города К*...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александра Никитична Анненская

Трудная борьба

Посвящается читательницам старшего возраста

Глава I

В жаркий августовский день трое детей сидели за большим столом в тесной комнате и прилежно занимались письмом. Мальчик лет одиннадцати и девочка лет десяти четким, довольно красивым почерком писали в тетради какое-то стихотворение, очевидно, заученное ими наизусть, а мальчуган лет девяти списывал с книги, выводя большие, неуклюжие буквы. В комнате было душно, рой мух неугомонно жужжали около детей, заставляя их беспрестанно останавливаться в работе и отмахиваться; сквозь отворенное окно виднелась тихая, почти безлюдная улица одного из предместий города К*.

– Я кончила! – вскричала девочка, с видимым удовольствием поставив огромную точку. – А ты, Митя, скоро?

– Я пишу последнюю строчку! – отозвался старший мальчик.

– А ты, Петя?

– Мне еще страсть как много осталось! – плаксиво отвечал младший.

– Эх, ты, мешок! Четыре строки списываешь целый час! – вскричала девочка. – Постой, я тебе помогу: я буду диктовать тебе по буквам, а ты пиши, – так скорей дело пойдет!

Действительно, с помощью сестры, Пете удалось так скоро кончить урок, что Митя только два раза успел спросить:

– Ну, кончил? Скоро ли же?

– Кончено! – радостно провозгласила девочка, закрывая книгу. – Побежим скорей, пока мамы нет дома.

Дети кое-как засунули книги и тетради в ящик стола, схватили свои шляпы с комода, занимавшего один из углов комнаты, и, толкаясь, перегоняя друг друга, выбежали из душной комнаты в сени, оттуда в маленький заваленный разным сором дворик, и из него, через маленькую калитку забора, в огород, зеленевший грядами капусты, свеклы, огурцов, гороху и бобов. Заперев за собой калитку огорода, дети приостановились и с видимым удовольствием огляделись кругом.

– Ну, куда же мы пойдем? Что мы будем делать? – спросил старший мальчик.

– Останемся здесь, здесь хорошо! – предложил Петя, с трудом поспевавший за старшими.

– Вот выдумал! Что тут делать? – вскричал Митя. – По грядам бегать нельзя, все перенем, прятаться негде, какую тут игру выдумаешь! Побежим лучше на пустырь.

– Конечно, побежим, на пустыре отлично! – согласилась девочка.

Маленький Петя по опыту знал, что старших не переспорить, и со вздохом последовал за ними. А они между тем уже пробирались быстрыми шагами вперед, то легко ступая по узенькой тропинке, то перескакивая через гряды, то срывая на пути пучок гороху или огурец.

В конце огорода был опять забор, но уже без всякой калитки, Это нисколько не остановило детей. Митя первый перелез через него, ловко цепляясь руками и ногами, сестра хотела последовать за ним, но ее остановил пискливый голосок Пети: «А я-то как же? Мне не перелезть!» Она посадила братишку снизу, Митя подтянул его сверху, и мальчик был счастливо

переправлен. Девочка без всякой посторонней помощи очутилась на другой стороне забора; правда, после этой переправы на холстинковом переднике ее появилась довольно большая дыра, но она и внимания не обратила на такую мелочь. Тотчас же за забором начиналось то, что дети называли «пустырем». Это было довольно большое пространство, на котором в прежние годы возвышался большой барский дом, окруженный службами, цветниками, огородом. Дом сгорел, владелец почему-то счел лишним отстроить его вновь, и запустил все прилежавшее к нему место. Службы пришли в ветхость и мало-помалу разрушились, цветники и огороды поросли густой травой. Кучи мелких камней, мусору, песку и пр. на месте прежних строений придавали этому месту унылый, печальный вид, но детям оно очень нравилось. Действительно, для игр трудно придумать более удобное место. Здесь можно было и вдоволь набегаться, и ловко прятаться за грудками мусора и за разными кустами и кустиками, беспорядочно разбросанными то там, то сям, и покарабкаться по кучам камней и, наконец, спуститься в «глубокую пещеру» – бывший погреб барского дома. А главное – никто из взрослых никогда не заглядывал на «пустырь»; значит, здесь детям было вполне привольно и любовно.

И наши маленькие знакомцы вполне воспользовались этой свободой. Оля, – так звали девочку, – предложила играть в «беглецов», и братья с удовольствием согласились. Каждый из играющих поочередно должен был изображать «беглеца», спасающегося от преследования, а двое других всеми силами старались словить его. Толстенький, неповоротливый Петя очень скоро попадался в руки врагов, но Митя увертывался так быстро, что брат и сестра совсем выбились из сил, преследуя его.

– Постой же, – говорила Оля, едва переводя дух от усталости и с торжеством ведя за руку своего пленника: – дай отдохнуть минутку-другую, и я помучаю тебя так же, как ты меня.

И в самом деле, поймать ее оказалось не легко: она бегала не так скоро, как Митя, но зато умела ловко пользоваться всяким средством спасения: то вдруг делала крутой поворот, то завлекала Петю в густую траву и, пока он путался в ней, с легкостью птички пробегала под самым его носом, то неожиданно исчезала за кустом или среди каменных развалин...

Игра детей была в полном разгаре, как вдруг из-за забора огорода раздался громкий женский голос:

– Митя, Оля, где вы? Дети! Митя, Оля, Петя! Куда они забрались?!.. Оля, Ольга, я тебя зову!

С каждым восклицанием голос звучал все сердитее и сердитее.

Петя первый услышал его.

– Мама зовет, надо идти, – объявил он старшим. Лица детей вытянулись.

– Ничего, – утешил Митя: – мы скажем, что приготовили уроки, так мама, может быть, нас опять отпустит. Полезем скорей, а то она рассердится.

Дети прежним путем переправились через забор, не останавливаясь пробежали огород, дворик, сени, свою тесную классную и очутились в другой комнате, попросторнее первой, хотя также очень бедно мебелированной. Там, на клетчатом, сильно потертом диване сидела пожилая, очень худощавая дама в черном шерстяном платье, а около нее ласкалось трое малюток от двух до пяти лет. Услыша шум шагов приближавшихся детей, дама повернула голову к двери, видимо собираясь что-то сообщить пришедшим, и остановилась на первом же слове – глаза ее упали на Олю.

– Ольга, где это ты была? – вскричала она. – Что ты это наделала, дрянная девчонка?

– Я? Да ничего, мама! – недоумевающим голосом отвечала девочка.

– Ничего! Еще говоришь – ничего!.. Посмотри-ка на нее, Анюта, полюбуйся.

Последние слова были обращены к старшей, бледной девочке лет 14-ти, сидевшей за пальцами у окна и до этой минуты не поднимавшей головы от работы. Анюта взглянула на

сестру и неодобрительно покачала головой. Действительно, Оля в эту минуту была не особенно красива. От жара и усиленного движения лицо ее было красно и покрыто потом; лазая по камням, она перепачкала себе руки, и следы грязных пальцев ясно виднелись на ее щеках, носу и лбу. Густые темные косы ее расплелись, волосы спутались и беспорядочными космами падали на лоб, на щеки и на шею; она потеряла одну подвязку, и грязный, запыленный чулок ее спускался до самой земли, по самой середине ее передника красовалась огромная дыра, и темненькое ситцевое платье ее было покрыто большими белыми и серыми пятнами.

– Где ты была, негодная девчонка? Что ты делала? Говори сейчас же!.. – сердилась мать.

– Да я, мама, с братьями играла; мы приготовили уроки, и пошли бегать.

– С братьями!.. Скажите пожалуйста, куда мальчишки, туда и она! Я тебе сто раз приказывала с сестрой сидеть, а не за мальчишками бегать! Говори, приказывала?

Она взяла девочку за ухо и сильно потрясла.

– Да я, мама... ой, пустите... я немножко побегала... – хныкала Оля, силясь освободиться.

– Немножко!.. Смотри, на кого ты похожа; хуже всякой уличной девчонки! Мученье ты мое! Возьми сейчас свой чулок, садись подле Анюты и работай! Если ты посмеешь без спроса встать с места, я тебя высеку, – честное слово, высеку: с тобой больше делать нечего...

Оля, рыдая, вытащила из-под стула ненавистную работу и, усевшись на стуле подле сестры, делала вид, что принимается за вязанье, хотя слезы мешали ей различать петли.

Рассерженная Марья Осиповна – так звали Олину мать – тяжело опустилась на диван и несколько минут сидела молча, сдавливая руками виски, как бы от боли. При виде беды, стряпшейся над сестрой, все дети присмирели. Митя и Петя жались к дверям, выжидая удобной минутки, чтобы улизнуть, а младшие стояли, широко раскрыв глазенки и приготовляясь расплакаться за компанию с Олей. Отдохнув несколько секунд, Марья Осиповна обратилась к старшему сыну.

– А я шла к тебе с радостью, – сказала она: – да эта дрянная девчонка всякую радость испортит... Была я у директора гимназии, – просила, молила его за тебя; он согласился принять тебя в приходящие без платы, если ты хорошо выдержишь экзамен.

– Как, мама, в гимназию? Нынче? – встрепенулся Митя.

– Да, нынче. На будущей неделе, во вторник, экзамен, а там и классы. Надо тебе хорошенько все протвердить, Митенька, чтобы выдержать экзамен-то. Ведь ты подумай, какое это счастье, что тебя принимают в гимназию! Кончишь ты там курс – тебе все дороги открыты, а ты ведь старший в семье, на тебя вся наша надежда. Ты это понимаешь?

– Конечно, понимаю, маменька, – не без чувства собственного достоинства отвечал Митя. – Я, кажется, все знаю к экзамену; вот разве только грамматику да молитвы нужно еще повторить...

– Ты, Митя, о местоимениях повтори, – вмешалась Оля, которая настолько заинтересовалась переменою в судьбе брата, что забыла и свое недавнее горе, и свой неприятный урок.

Митя отправился в ту комнату, где прежде дети приготовляли уроки, и усердно принялся за ученье. Петя получил от матери позволение поиграть во дворе вместе с младшими детьми, а Марья Осиповна пересела поближе к пядьцам старшей дочери, с которою она любила толковать обо всех своих делах.

– Уж так-то я буду рада, Анюта, если это дело устроится, – говорила она. – Хоть одному удастся дать образование! Петенька еще мал; со временем и его как-нибудь удастся пристроить...

– Только вот что, маменька, – заметила благоразумная Анюта: – говорите, у гимназистов одежда да книги дорого стоят; откуда вы на это возьмете?

– Это-то я уже обдумала, голубчик. Теперь, вот я весь последний год учителю платила по 15 рублей в месяц. Это не шутка!.. А как Митенька будет в гимназии, на что нам учитель? Тебе скоро 15 лет, ты довольно учена; Пете еще время терпит-раньше 10 лет все равно в гимназию не принимают; с ним вон Лизавета Ивановна, по доброте своей, не откажется позаняться иногда, да и ты присадишь его за книжку, – ему еще немного надо. Так вот у меня те деньги, что я учителю платила, и пойдут на Митину одежду, да еще несколько лишних рублей останется.

– А у кого же я буду учиться, маменька? – спросила Оля, прислушиваясь к рассуждениям матери.

– Эх, Оличка, об тебе я и не думаю! – с полным убеждением отвечала Марья Осиповна. – Ты девочка... Что тебе надо? Читать, писать умеешь, привыкнешь около сестры к рукодельям-вот и хорошо! Много ли Анюта училась, а смотри, как все ее хвалят; да если бы ты на нее стала похожа, так лучшего ничего и не нужно!

– Оля, – раздался из другой комнаты голос Мити: – я забыл, что учитель говорил про «который». Поди сюда!

– Меня маменька не пускает! – надувши губки отвечала Оля.

– Чего не пускает! – вскричала Марья Осиповна. – Не пускаю шалить да повесничать с мальчишками, потому что это неприлично барышне, а если можешь помочь брату, так иди, помоги.

Обрадованная предложением отделаться от чулка, Оля быстрым движением подбросила его под стул, и прежде чем мать открыла рот, чтобы заметить ей, как дурно такое небрежное отношение к работе, она уже очутилась подле брата.

Разрешив его недоумения насчет местоимения «который», она стала предлагать ему другие грамматические вопросы; они вместе припоминали объяснения учителя, вместе повторяли выученные молитвы и стихи. Потом, воспользовавшись тем, что мать и сестра ушли из соседней комнаты, они мало-помалу отложили книги в сторону и увлеклись мечтами о новой жизни, открывавшейся для Мити. Ни один из них никогда не был в школе; они не имели никакого понятия о школьных порядках, об отношениях учителей к ученикам и учеников друг к другу, – даже о том, каким именно премудростям обучаются в гимназии; но это открывало им тем больший простор для всевозможных предположений. Вечерняя прохлада сменила дневной жар, и через открытое окно вливался в комнату мягкий полусвет сумерек, а дети, облокотясь на подоконник, все говорили и мечтали, и в десятый раз повторяла Оля:

– А ты мне это будешь рассказывать? А мы это будем вместе? – и в десятый раз уверял Митя, что, конечно, она будет все знать, что до него касается, во всем принимать участие.

С тех пор, как Оля стала ходить и говорить, она была постоянным, неразлучным товарищем Мити. Они спали в одной комнате, под охраной одной и той же старушки няни, засыпали под одни и те же однообразные сказки этой старушки, проснувшись играли одними и теми же игрушками, даже шалости делали одинаковые и равно заслуживали добродушное ворчанье няни. Вместе вышли они в первый раз из улиц города и с радостным изумлением очутились среди зеленевшего простора полей; вместе, выучил их отец читать, писать и считать свои десять пальцев; вместе, крепко взявшись за руки, с одинаковым недоумением и горем, стояли они, два года тому назад, у гроба этого отца... До сих пор все у них было общее: и горести, и радости, и игры, и занятия. Только в последнее время мать начала все чаще и чаще ворчать на Ольгу за ее мальчишеские манеры, все чаще и чаще отзывать ее от братьев и присаживать за женские рукоделья. По правде сказать, девочка обращала мало внимания на новые требования матери. Она, подобно большинству детей, смотрела на материнские выговоры и наказания как на неизбежные невзгоды детской жизни и, чтобы избежать их, старалась об одном – пореже попадаться на глаза матери. Все же рассуждения о

том, что она девочка, что поэтому ей следует быть кроткой, смирной, чисто одетой, гладко причесанной, любить вязанье, шить и исполнение разных мелких хозяйских обязанностей, — все эти рассуждения казались ей просто скучным ворчаньем, не производившим на нее ни малейшего впечатления.

Глава II

Экзамен Мити и его поступление в гимназию были такими важными событиями в семье Марьи Осиповны, что целых десять дней все в доме были ими заняты и озабочены. Учитель, по просьбе матери, приходил каждый день и давал уроки одному Мите; прочим же детям строго воспрещалось входить в классную комнату, «чтобы не помешать». Чулок Оли свободно валялся под стульями и столами; никто не бранил за него девочку, не присаживал ее за работу: решено было, что она может помочь брату в его приготовлениях к экзамену, и потому ей позволялось оставаться с ним, но при этом мать беспрестанно повторяла:

– Да вы пустяков не болтайте! Митенька, учись, голубчик! Оля, ты смотри, не шали, помогай брату.

Анюте мать поручила наблюдать за занятиями детей, а сама старалась подольше удерживать младших вне дома, чтобы они не мешали. Впрочем, и младшие дети понимали, что в доме происходит нечто важное; они посматривали с каким-то не то любопытством, не то благоговением на Митю, и трехлетняя малютка Маша заговаривала шепотом даже в огороде, оставаясь одна с матерью. Утром перед экзаменом старая работница Фекла с таинственным видом подала Мите какой-то комочек, зашитый в грязную тряпичку и прикрепленный к шну- рочку.

– Надень это, касатик, на шею, на голое тело, – убеждала она его: – это носят на счастье; мне одна старушка-странница дала.

Митя – бледный, взволнованный – взял дрожащею рукой ладанку и навесил ее себе на шею. Он знал, что это пустяки, что никакие тряпочки не помогут ему выдержать экзамен, а все же думалось «на всякий случай, может быть, и вправду пригодится».

Наконец экзамен выдержан, и выдержан вполне удовлетворительно: мальчик принят бесплатно приходящим учеником в гимназию.

Чтобы отпраздновать такое радостное событие, Марья Осиповна устроила закуску, на которую пригласила своих богатых родственников, Илью Фомича и Лизавету Сергеевну Потаниных, учителя, нескольких соседок и соседей. Все поздравляли ее с устройством судьбы старшего сына, все считали своим долгом, похвалив Митю за хорошо выдержанный экзамен, прочесть ему наставление о том, как он должен примерным прилежанием и поведением вознаградить мать за все ее заботы, как он должен помнить, что ему придется служить поддержкою и матери, и сестрам. Митя, молча и краснея, выслушивал и похвалы, и наставления, но в глубине души его шевелилось гордое чувство самоуверенности, когда он слышал, какие надежды возлагались на него. Оля все время вертелась около брата, ей и радостно было за него, и немножко обидно, что на нее никто не обращает внимания, что после Мити считают нужным толковать о будущем устройстве Пети, и даже Васи, а на нее никто не возлагает никаких надежд, о ее судьбе никто не говорит...

Митя начал ходить в гимназию. В первый день он был ошеломлен новостью классной обстановки, знакомством с товарищами, – знакомством, начинавшимся по большей части посредством потасовок или, по крайней мере, довольно чувствительных взаимных пинков, но на второй день он вернулся домой гордый и ликующий; он в первый раз надел гимназическую форму, и знакомый лавочник почтительно поклонился ему; товарищи, испытав силу кулаков его, охотно приняли его в свою среду, и трое завзятых шалунов даже предложили ему дружбу; учитель арифметики дважды похвалил его... Но это бы все еще ничего, – главную гордость мальчика составляло то, что в этот день он был в первый раз на уроке латинского языка и успел заучить несколько латинских слов. Учиться по-латыни!.. Это сразу поднимало его над всеми окружающими. Что такое арифметика, грамматика, география?.. Их

хотя немножко да знает и маменька, и Анюта, и Оля, и маменькина кума, и даже дворников Тимоша, который с прошедшего года ходит в школу. Но по-латыни никто из них, даже самый важный дядюшка Илья Фомич, не понимает ни слова! Он скажет «gapa соахат» (лягушка квакает), – и они все вытаращат глаза и не будут знать, что это такое. Эх, жаль, что он не знает как закричать по-латыни: «Давайте обедать, я есть хочу!» Ну, да ничего, выучится, а пока и одной «gapa» довольно.

Оля поджидала брата у ворот и, завидев его, тотчас бросилась к нему навстречу.

– Ну что, Митенька, – спрашивала она, следуя за ним во двор, в сени и в комнату: – хорошо ли было сегодня в гимназии? Что ты там делал?

– Какая ты странная, – несколько свысока отозвался Митя: – что делал?.. Конечно, учился. По-латыни начал.

– Ну, что же? Это интересно? Трудно?

– Конечно, очень трудно, да ничего, я выучусь.

– А у меня, Митя, какое горе, – жаловалась девочка, пока брат бережно развешивал на гвоздики новенькое пальто и такую же новенькую фуражку: – сегодня нас с Петей в первый раз учила Лизавета Ивановна. Она, должно быть, ничего не знает! Представь себе, заставляла нас все время читать да с книги списывать!.. Я у нее спрашиваю: «А арифметике и грамматике когда вы меня будете учить?» – а она говорит: «Пете это еще рано, он ни читать, ни писать не умеет, а с тобой отдельно заниматься мне некогда». Я сказала это маме, а мама говорит: «И за то благодари, что чему-нибудь учат: Лизавета Ивановна ведь денег с нас не берет, по доброте это делает». – Хорошо учит! Что меня учить читать да писать, когда я и без нее умею...

В другое время Митя, вероятно, выказал бы некоторое участие к огорчению сестры, но на этот раз он был так занят своими собственными успехами и желанием похвастать ими перед всеми домашними, что не мог думать ни о чем другом.

Едва дослушав сестру, он пошел к матери и там, при работнице Фекле, при Анюте и при Пете, торжественно произнес с десяток латинских слов. Анюта и Петя с некоторым уважением посмотрели на молодого ученого; Марья Осиповна осталась очень довольна такими быстрыми успехами сына, Фекла даже перекрестилась от умиления. Одна Оля была огорчена. Равнодушие брата сильно оскорбляло ее. Ей казалось, что именно теперь, когда он сам стал счастлив, он должен сочувствовать ей, стараться помогать.

После обеда, когда мальчик взялся за книги, чтобы готовить уроки к следующему дню, она опять начала с ним прежний разговор.

– Вот, Митя, – заметила она грустно: – всегда мы с тобой все учились вместе, а теперь ты учишься, у тебя новые книги, а меня никто не хочет учить!

– Ну, так что же? Ведь ты не можешь ходить со мной в гимназию, – ты не мальчик! Да и учиться тому, чему я учусь, тебе нельзя: это слишком трудно для девочек!

– Вот выдумал, – обиделась Оля: – да разве я до сих пор отставала от тебя в ученье? Еще учитель говорил, что я задачи скорее тебя решаю, и ошибок в диктовке делаю меньше.

– Это что, пустяки! Я теперь буду учиться по-латыни, это не про тебя писано... И вообще, Оля, ты лучше уйди, не мешай мне! Гимназические уроки не для девочек задаются, ты тут ничего не поймешь! Поди прочь!

Оля отошла от брата обиженная, оскорбленная до глубины души. Ей хотелось и прибить Митю, и выплакаться на просторе. Первое трудно было исполнить, так как Митя был сильнее ее, и потому она прибегла ко второму. Хлопая дверями, толкнув по дороге братишку, подвернувшегося под ноги, направилась она в огород. Там, за грядой гороха, было уединенное местечко, на котором она не раз выплакивала свои горести, сидя на небольшом камне. И теперь она побежала к тому же камню и, только усевшись на него, дала полную волю накопившимся слезам.

«Митя знать ее не хочет, Митя важничает перед ней! А давно ли все у них делалось вместе, сообща, давно ли она помогала ему готовить уроки, поправляла ошибки! Он гордится тем, что ходит в гимназию, что учится по-латыни, но разве она виновата, что ее не хотят учить! Он говорит, что его уроки слишком трудны для девочек, – неправда, не может быть, она не глупее его, хотя он и мальчик! И какое это, право, несчастье быть девочкой! Братья шалят и бегают, – мать ничего им не говорит, а ее бранит, когда она с ними играет; братья разорвут, перепачкают свою одежду, на них только поворчат, а ее за каждую дырочку мать наказывает, да еще зашивать заставляет! Господи, и отчего это я не родилась мальчиком, – рыдая, думала бедная девочка: – теперь ходила бы в гимназию вместе с Митей, училась бы всему, чему он учится, он не гнал бы меня от себя, не говорил бы, что его книги не про меня писаны! Это, положим, он врет, наверное врет! Только бы он мне показал эту латынь, я наверное выучу ее не хуже его! И все другое выучу. Хоть он и мальчик, а я не глупее его, я это ему покажу! Сходить разве к нему, попросить, чтобы он показал...»

При этой мысли слезы высохли на глазах девочки. Она раза два обошла огород, не решаясь войти в комнату, из которой ее так нелюбезно удалили, но наконец желание доказать брату на деле несправедливость его низкого мнения о ней взяло, верх над чувством мелкой обиды, и она твердыми шагами направилась в комнаты. Мите между тем несколько надоело сидеть одному над книгами; занятие латинским языком, правда, значительно возвышало его в собственных глазах, но заучиванье грамматических правил и целого десятка трудных слов было вовсе не интересно. Он обрадовался, увидя сестру, с которой можно перемолвиться словечком в промежутках между учением.

– Митя, – вкрадчивым голосом попросила Оля: – дай мне посмотреть, что ты учишь, мне очень интересно.

– Да смотри, пожалуй; видишь – латинская книга.

– Какие буквы! Совсем не такие, как по-русски! Трудно их заучить?

– Нет, не очень. Нас учитель только один час учил читать, а потом сразу стал говорить грамматику да заставлять переводить. И к завтраму – вон какой кусина задал!

– Ну, а скажи-ка мне буквы: может быть, я пойму!

Учить прилежную, понятливую ученицу, которая притом позволяла и кричать на себя, было несомненно веселее, чем самому долбить, и потому Митя, забыв свои собственные слова, что латынь недоступна для девочек, показал Оле произношение всех букв, заставил ее прочесть несколько строк и не мешал ей учить вместе с собой урок, заданный к следующему дню. Учиться вместе было и легче, и веселее, чем в одиночку, дети давно уже испытали это, и теперь Митя снова убедился в том же. После латыни ему нужно было еще выучить наизусть и суметь написать без ошибок небольшое стихотворение по-русски, и эта работа была окончена скоро, без скуки. Прежде наступления сумерек дети уже бежали играть в огород, по прежнему дружные, готовые все делать сообща, и Митя забыл, что Оля девочка, что ей недоступно многое, возможное для него, мальчика. С этих пор всякий раз, как Митя принимался готовить уроки, Оля усаживалась подле него и старательно выучивала все, что ему было задано. Девочка не рассуждала, нужны ли для нее эти знания, пригодятся ли они ей когда-нибудь; она видела одно, что этому учат мальчиков, что все это будет знать Митя, и не хотела ни на шаг отставать от него. Митя очень скоро не только помирился с намерением сестры учиться с ним вместе, но даже радовался этому: готовить уроки вдвоем было веселее, чем одному, а повторяя сестре объяснения и рассказы учителей, он мог принимать важный, наставительный тон, который очень ему нравился. Когда Оля объявила матери, что не станет больше брать уроков у Лизаветы Ивановны, а будет заниматься вместе с Митей, Марья Осиповна назвала это глупостью:

– Не хочешь у Лизаветы Ивановны учиться – пожалуй, не учишься, – сказала она; – читать, писать, считать умеешь, молитвы знаешь, с тебя и довольно, а к брату нечего лезть, мешать ему: ты не можешь тому учиться, чему он учится, с тобой он только шалить будет!

– Да нет же, мама, – уверяла Оля: – право, я ему не мешаю, хоть у него самого спросите.

– Глупые это все затеи, ничего больше! Этакая ты уже большая девчонка, и ничем порядочным ты заняться не хочешь... Брала бы пример с Анюты! Тебе лучше около нее быть, а не с мальчиками, – от нее больше хорошего научишься!..

Оля знала, что спорить с матерью бесполезно; она вздохнула и заплакала. Но она знала также, что хотя мать часто любила поворчать, иногда под сердитый час не прочь была и прибить, но в сущности не строго следила за детьми и по большей части позволяла им делать, что они хотели, только бы не шумели, не рвали и не пачкали одежды, вообще не попадались ни в каких шалостях. Таким образом, несмотря на запрещение матери, Оле всякий день удавалось часа на два на три улизнуть из-под надзора и заняться вместе с Митей. Заставая их вдвоем с братом за книгами, Марья Осиповна молчала, видя, что Митенька учится прилежно; иногда же, когда она бывала в дурном расположении духа или слышала, что Митя не сам долбит, а что-нибудь объясняет сестре, она раздражалась бранью на девочку, уводила ее вон из комнаты, засаживала за работу, запирала в чулан. Ольга плакала и злилась, а на следующий день повторяла ту же вину, рассчитывая, что «сегодня маменька не сердитая».

Чтобы ни в чем не отставать от брата, ей надобно было одной проделывать те упражнения, какие он исполнял в гимназии во время классов. Это также приходилось делать почти тайком, заниматься урывками, употреблять разные уловки, чтобы избежать упреков и наказаний.

Марья Осиповна осталась после смерти мужа с шестерыми детьми и самыми ограниченными средствами к жизни. Много нужно ей было и заботиться, и трудиться, чтобы прокормить всю эту семью, и она не жалела ни забот, ни трудов. Сама она нянчила младших детей, сама и шила, и мыла на всех, и помогала Фекле стряпать, и находила еще время зарабатывать несколько рублей в месяц вязаньем на спицах теплых платков и шарфов. Анюте было уже 12 лет когда умер отец. Она видела и понимала, как трудно матери справляться с такой большой семьей и, по мере сил, она старалась помогать ей. Всегда тихая, благоразумная и прилежная, она стала еще более серьезна и трудолюбива. Мать достала ей в одном магазине заказ вышивок по канве, и с тех пор она почти все дни проводила за пальцами, радуясь, что сама может зарабатывать деньги на свой скромный туалет.

– Золотые пальчики! – говорили родные и знакомые, любуясь на розы и ландыши, которые складывались в изящные букеты под искусными ручками бледной, молчаливой девочки, и мать с радостью и умилением поглядывала на свою старшую дочь. Естественно, ей хотелось, чтобы и Оля сколько-нибудь походила на сестру, чтобы и она, по мере сил, являлась в доме помощницей, а не помехой. Зарабатывать деньги она еще не могла, но она должна была приучаться к рукодельям и затем исполнять разные мелкие поручения.

«Оля! – слышалось с утра, – принеси воды мыть братьев!» – «Оля, подай на стол чашки!» – «Оля, подмети здесь пол!» – «Оля, беги скорей в лавочку, возьми на две копейки соли!»

– «Ах ты Господи! Васенька выбежал на улицу! Ольга приведи его скорей домой».

Оля исполняла все приказания, хотя не с особенным удовольствием, но беспрекословно; затем ей хотелось или поиграть с детьми, или написать тот перевод, который накануне Митя делал в классе, но едва бралась она за игрушку или за перо, как около нее раздавался голос матери:

– Ольга, это ты опять с утра ничего не делаешь! Ах, наказание мое эта девчонка! Да постыдись ты, сударыня! Смотри, сестрица сколько уже нашила, а ты что? Только бы шалить! Бери сейчас свою работу, садись подле Анюты и работай!

Ольга работала, надувши губки, потом опять бежала исполнять какое-нибудь поручение, потом опять работала, но мысли ее были далеки от того дела, которое она исполняла, и видя, как неловко двигаются ее руки, как сердито поглядывает она по сторонам, выжидая случая улизнуть, мать со вздохом замечала про себя: «Нет, этой далеко до Анюточки».

Глава III

Илья Фомич Потанин был родной брат мужа Марьи Осиповны. Братья, оставшись с раннего детства сиротами, воспитывались у родственников, далеко друг от друга. Всю молодость они провели не выдавшись, и встретились только за несколько лет до смерти Александра Фомича, когда Илья Фомич приехал в К*, где он занял довольно важное и выгодное место по службе. Особенной дружбы между братьями не было, но Илья Фомич, видя, что брату трудно содержать большую семью, охотно помогал ему, хотя много помогать не мог. Он привык жить не отказывая себе в разных удобствах, и даже в некоторой роскоши. Жена его, Лизавета Сергеевна, ни за что не хотела ни в чем отставать от самых богатых дам города; при этом, понятно, они не могли много уделять бедным родственникам. По правде сказать, Лизавета Сергеевна очень тяготилась этими родственниками, особенно, когда после смерти Александра Фомича семья осталась почти в нищете. Ей, важной барыне, ездившей не иначе как в карете, неприятно было встречать на улице детей в полинялых, заштопанных платьях и знать, что это ее племянники; ей было стыдно, когда в ее роскошную гостиную входила женщина в смятой старомодной шляпке, без перчаток; она готова была провалиться сквозь землю, когда эта женщина называла ее «сестрицей». Чтобы избежать этой неприятности, она принимала у себя родственников только тогда, когда не ожидала к себе никого посторонних; сама же посещала их очень редко, в особенно торжественные случаи, и при этом держала себя важно и высокомерно, чтобы уничтожить с их стороны всякую попытку к дружеской короткости. Впрочем, она совершенно неосновательно боялась этой короткости. Марья Осиповна всегда с почтением смотрела на родственников, особенно, когда после смерти мужа ей пришлось терпеть нужду и пользоваться пособиями их. Дети, само собой разумеется, терпеть не могли важной тетюшки, которая всегда находила в них какие-нибудь недостатки: Анюта держалась сутуловато, у Оли мужицкие манеры, Митя смотрел волчком и т. д. до маленькой Маши, которая кажется удивительно глупой для своего возраста. Визит Лизаветы Сергеевны всегда производил переполох в маленькой квартире Потаниных, и даже Митя и Оля, державшие себя самостоятельнее остальных членов семьи, спешили привести в порядок свой наряд и свои вещи, когда знакомая фиолетовая карета останавливалась около калитки их домика.

– Вот едет тетенька! – провозгласил однажды утром Петя, проводивший большую часть времени у окна, наблюдая за уличными происшествиями.

– Лизавета Сергеевна? Господи Боже мой! А на детях грязные платья! – засуетилась Марья Осиповна. – Вася, Глаша, Маша, идите скорей в кухню к Фекле, не смейте нос сюда показывать, замарашки вы этикие! Петенька, ты опять ковыряешь в носу! Ольга пригладь волосы, смотри – коса расплелась! Анюточка, посмотри, не криво ли я надеваю чепчик? Перемени наруканники, милая: они у тебя измяты... Что это она выдумала к нам захватить?

Бедная женщина растерянно металась по комнате, выпроваживая младших детей в кухню, оглядывая старших, спеша прибрать подальше от глаз разные мелкие вещицы, беспорядочно валявшиеся в ненадлежащем месте. Гостья, между тем, вышла из кареты с помощью лакея, без которого она никогда не выезжала, и направилась к дверям дома, окидывая презрительным взглядом полузаросший травой дворик.

Марья Осиповна встретила невестку в передней и с низкими поклонами проводила ее в комнату, служившую для семьи и столовой, и гостиной. Лизавета Сергеевна отвечала легким наклонением головы на поклоны и приветствия, брезгливо опустила на кожаный прорванный диван, окинула критическим взглядом переконфуженных детей, заметила, что Анет совсем уже взрослая барышня, – жаль, что держится плохо! – что Ольга неряшливо одета, что неряшливость большой порок в женщине, что Петя слишком толст и неповорот-

лив, что в комнате душный воздух, что Марья Осиповна напрасно держит старую Феклу, которая не умеет даже хорошенько вымыть пол, и наконец приступила к настоящей причине своего визита.

Я к вам приехала с радостью, – возвестила она, усиленно понюхав несколько раз духов из маленького серебряного флакончика, как будто воздух, которым дышали бедные родственники, был нестерпим для ее деликатных нервов:

– Илье Фомичу удалось одно выгодное предприятие; он решил часть полученных денег употребить на доброе дело, и я говорю ему, что нечего благодетельствовать чужим, когда родные в нужде. Ваш Митя, слава Богу, получает образование, надобно подумать о других. Анет уже велика, ей поздно учиться! Те малы... Что же это их не видно сегодня?.. А вот из этих двух, – она строго взглянула на Олю и Петю, – мы могли бы поместить которого-нибудь в гимназию и даже, пожалуй, снабжать деньгами и одеждой. Что вы на это скажете?

– Уж не знаю и благодарить вас! – вскричала Марья Осиповна со слезами умиления на глазах. – Истинно, вы наши благодетели! Известно, нельзя оставить детей без образования, а что я могу с моими малыми средствами?

– Ну, и чудесно, я знала, что вы будете довольны; я сама внесу деньги в гимназию, и на одежду, и на книги дам вам сколько нужно будет. Которого же из них вы думаете начать просвещать? – Она снова с усмешкой оглянула Олю и Петю.

– Конечно Петеньку, если будет ваша милость, – поспешно отвечала Марья Осиповна: – он мальчик: ему образование нужнее!

– Это справедливо, – милостиво согласилась Лизавета Сергеевна: – в таком случае вам нужно будет только озаботиться, чтобы он выдержал экзамен. Петя, – строго прибавила она, обращаясь к мальчику: – ты понимаешь, какую милость тебе делают, постарайся заслужить ее?

– Постараюсь, – пролепетал сильно сконфуженный мальчик.

Несмотря на весь страх, возбуждаемый важною тетушкой, Оля не выдержала.

– Маменька, – проговорила она взволнованным голосом: – отчего же вы не хотите, чтобы лучше я поступила в гимназию? Ведь Петя моложе меня и меньше знает, а мне так хочется учиться!

Лизавета Сергеевна с удивлением оглядела племянницу. – Какая она у вас, однако, речистая, – заметила она, обращаясь к Марье Осиповне. – Ты хочешь учиться, милая? Прежде всего следовало бы выучиться почтительному обращению с матерью и старшими. Мы не спрашиваем ни твоего совета, ни твоего мнения. Надеюсь, мы лучше тебя понимаем, что делать. В свое время, родственники позаботятся и о тебе.

Оля хотела возражать, хотела отстаивать свои права, но тетка так решительно отвернулась от нее, а Анюта с таким волнением дергала ее за платье и делала ей знаки что она замолчала и поспешно вышла из комнаты, чтобы в уединении дать полную волю и досаде, и слезам.

Ей было о чем и плакать, и злиться. Опять, в заботах о брате, забывают ее; ей предпочитают другого, менее способного, более слабого, и предпочитают потому, что он мальчик, а она – имела несчастье родиться девочкой...

Благодетельные тетушки, стоившие таких горьких слез Оле, очень мало обрадовало и Петю. Это был от природы мальчик вялый, малоспособный. Рассказы Мити о шумных играх и веселых проделках товарищей не возбуждали в нем желания принять участие в школьной жизни, а напротив – пугали его. Когда он видел, как старший брат проводил целые вечера согнувшись над книгами, ему си тоскою думалось: «Неужели и мне придется когда-нибудь так много учиться? Хорошо, кабы меня никогда не отдавали в эту противную гимназию».

И вдруг тетенька приехала – оказать ему великую милость; ему велят благодарить эту тетеньку, целовать ее ручку; мать плачет от радости; старшая сестра поздравляет его, младшие веселятся, сами не зная чему!

«Говорят, в гимназии надо держать экзамен. Может быть, я еще не выдержу!» – с слабою надеждою думает мальчик.

Не тут-то было! Мысль об экзамене пришла в голову не ему одному.

– Где же Пете поступить в гимназию, – заметил Митя, услышав о семейной радости: – он ничего не знает; ему не выдержать экзамена!

Марья Осиповна встревожилась.

– Митенька, голубчик, – обратилась она к старшему сыну: – у меня одна надежда на тебя... Послезавтра у тебя начнутся каникулы, ты уж позаймись с братом, подготовь его.

– Пожалуй, отчего не позаняться! – с важностью согласился Митя.

Он кончал переходные экзамены из второго класса в третий, считался первым учеником и более чем когда-нибудь гордился своими занятиями... Занятия с братом он начал строгим экзаменом, после которого заявил, что Петя ничего не знает, очень неразвит и что учить его – будет чистым мучением. Можно себе представить, как такое заявление ободрило маленького ученика, и без того не чувствовавшего желанья напрягать свои силы для ненавистного экзамена! Каждый день урок кончался тем, что Петя горько плакал и проклинал книги и гимназию, а Митя строгим, учительским голосом читал ему наставление о необходимости внимания и прилежания, и назначал ему какое-нибудь наказание за леность. Марья Осиповна всегда брала сторону старшего сына и сама бранила и наказывала Петю, так что жизнь бедного мальчика, до сих пор такая спокойная и беззаботная, стала очень несчастною. Он даже похудел от беспрестанных слез и частых наказаний. Попробовал он поискать сочувствия у Анюты, которая всегда была добра и кротка с детьми, но она благоразумно заметила:

– Ах, Петечка, ведь это все делается для твоей же пользы: поступишь в гимназию, станешь хорошо учиться, как Митя, сам рад будешь.

Петя вздохнул и отошел от сестры, очень мало утешенный. Оля была не так благоразумна, как Анюта.

– Экий ты дурак, Петька, ревешь из-за того, что учиться заставляют, а я бы была рада-радехонька, если бы меня учили! – говорила она. Но все-таки ей жаль было братишку, которому приходилось так часто терпеть и брань, и наказания. У нее было свое горе, и потому ей не трудно было сочувствовать чужой печали. Сидя вдвоем в уголку комнаты или в укромном местечке огорода, дети поверяли друг другу свои огорчения. Оля говорила о том как бы ей хотелось учиться, как ей трудно догонять Митю, который иногда отказывается объяснить ей что-нибудь непонятное, или не дает ей своих книг, как ее мало времени заниматься и как часто мать бранит ее за эти занятия... Петя, с своей стороны, жаловался на то, что гимназия и общество будущих шалунов товарищей пугают его, что ему хотелось бы еще хоть годик пробыть дома, что ему трудно учиться, особенно, когда Митя говорит с ним таким важным, строгим голосом. Оля утешала его, представляя ему приятные стороны гимназической жизни, ободряла его, обещая помогать ему готовить уроки и объяснять все непонятное, и часто старалась облегчить ему настоящие занятия. Петя, в благодарность за это, обещал всегда давать сестре свои книги и доставать для нее книги из гимназической библиотеки и от товарищей, обещал всегда, даже когда будет в старших классах, рассказывать ей все, чему выучится сам и, кроме того, всеми силами стараться, чтобы ее также отдали в гимназию. Эти разговоры вдвоем сближали детей и утешали их. Петя стал менее грустно смотреть на свою судьбу, Оля перестала завидовать брату.

Несмотря на строгие внушения Мити и на помощь Оли, Петя выдержал экзамен довольно плохо. Его согласились принять из жалости к слезам Марьи Осиповны и потому

что, как заметил инспектор: «У него умный, прилежный брат, который поможет ему учиться».

С первых же дней поступления мальчика в общественное заведение начались для него неприятности. Товарищи били его, как всякого новичка, насмехались над его слезливостью и неумелостью постоять за себя. Без заступничества Мити – ему пришлось бы очень плохо от их кулаков, но и это заступничество не всегда спасало его. Частенько возвращался бедняга домой с синяками на лице, с разорванным, перепачканным платьем и горько жалуясь на свою судьбу.

– Экий ты ведь какой несчастный уродился, – жалостно покачивала головой Марья Осиповна: – Митя в той же гимназии учится, с ним никогда таких бед не случалось, как с тобой! Что делать, голубчик, потерпи, – зато будешь умным, образованным человеком...

Петя вздыхал и не надеялся достигнуть когда-нибудь той цели, какую ему сулила мать. Ученье давалось ему очень туго. Без помощи Мити или Оли – он не мог приготовить положительно ни одного урока. Видя, что Петя беспрестанно обращается с своими вопросами к сестре и что она на все отвечает ему толково, Марья Осиповна перестала выгонять девочку из комнаты, где братья ее готовили уроки, хотя все-таки с большим недоверием относилась к ее знаниям.

– Петенька, говорила она часто мальчику: – что ты все у Оли спрашиваешь, она и сама-то этого, я думаю, не знает; ты бы лучше попросил Митю тебе показать да объяснить.

– Ах, нет, маменька, – возражал Петя: – Оля все отлично знает... Митя сердится, а Оля так хорошо объясняет, я ее лучше всех понимаю.

– Ну, так ты, Оля, смотри, подумавши говори, напутаешь что-нибудь, а его за это учитель накажет, – увещевала мать.

– Не напутаю, маменька!

– Оля никогда ничего не путает! – защищал сестру Петя, чувствовавший с каждым днем все больше и больше уважения к ее уму и знаниям.

Благодаря занятиям с Петей, Оле удавалось и утром спокойно посидеть за книгами часок-другой. Когда мать начинала ворчать на нее за это «безделье», она успокаивала ее, говоря:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.